

«Она очень умная женщина», — с лёгкой усмешкой произнёс Сюй Юань.

Если бы она не была умна, ей было бы трудно с двумя дочерьми жить хорошо в таком мире.

Глория не могла этого отрицать, потому что та всегда умела быстро подобрать настолько подходящие слова, что возразить было невозможно, и даже при воспоминании об этом у Глории сердце заходило от тревоги: «Но она всё равно не настолько умна, как вы».

После того как она испробовала те методы, она уже не могла не восхищаться мудростью господина эльфа.

Если бы господин эльф оказался на её месте, он непременно справился бы превосходно.

«Не обязательно. Просто я очень ясно вижу её цель, — улыбнулся Сюй Юань. — И у неё есть один смертельный недостаток».

«Какой?» — выпрямившись, спросила Глория.

«Жестокость, — взгляд Сюй Юаня слегка помрачнел. — Убить врага ценой собственной потери, ради достижения цели не гнушаться никакими средствами».

«Разве это недостаток?» — сжав пальцы, тихо спросила Глория.

«Против необычных людей действительно нужно действовать предусмотрительно и решительно, — произнёс тот мягкий голос. — Но добиваться цели ценой собственного ущерба или безжалостно истреблять добрых людей в конце концов обернётся против тебя самой».

Даже самый добрый человек остаётся человеком. Загнанный в тупик, без выхода, он будет отчаянно сопротивляться.

«Обернётся против себя самой...» — тихо повторила Глория этот итог.

«Есть поговорка: мысль вредить людям не должна быть, но мысль остерегаться людей должна быть всегда», — сказал тот мягкий голос.

«Вы боитесь, что я стану такой, как она? — приложив руку к груди, тихо произнесла Глория. — Я не стану».

«Я верю тебе, — тот мягкий голос подарил ей доверие. — Я лишь не одобряю того, что ты постоянно погружена в борьбу с ними, что каждый день думаешь только о том, как их одолеть».

Глория едва шевельнула губами, в глазах её мелькнуло изумление, потому что она действительно постоянно думала об этом: стоит двум дочерям Грейс устроить скандал — и она обретёт покой, отец проникнется к ним нетерпением, и это тоже порадует её душу.

«Разве так поступать неправильно?» — спросила Глория.

«Заставить злых людей понести наказание, конечно, не плохо, но если ты постоянно устремляешь взгляд на них, твой мир тоже станет очень маленьким, — тихо сказал тот голос. — Вместо того чтобы отдавать время им, лучше отдать его себе: любоваться весенними пейзажами, смотреть на цветы, птиц, рыб и насекомых, делиться с мамой чем-нибудь радостным — это принесёт куда больше счастья, чем бесконечное погружение в те дела».

Сначала Глория не совсем понимала, что значит «мир станет маленьким», но когда она услышала эти прекрасные описания, то обнаружила, что душа её словно распахнулась.

При мыслях о мачехе и двух сёстрах настроение всегда было ужасным, думать о чём-либо всегда было трудно, всегда вспоминались мучительные вещи, и даже победа, казалось, не могла до конца стереть эту боль.

Так вот почему — потому что её мир был слишком мал?

«Как же мне поступать?» — с некоторой надеждой спросила Глория.

«У тебя есть что-нибудь любимое или какое-нибудь любимое занятие?» — спросил Сюй Юань.

Девочка на миг замерла, а затем задумчиво склонила голову: «Красивые платья считаются?»

«Конечно», — со смехом ответил тот мягкий голос.

Его слова были подобны лёгкому ветру, несущему сквозь листву солнечный свет, — неторопливые, спокойные. Даже когда Глория повторялась или задавала вопросы, которые сама считала глупыми, он никогда не упрекал её, а словно внимательно выслушивал каждое её слово, серьёзно обдумывал, а затем давал совет и ответ.

Даже не видя его, Глория любила с ним разговаривать — она могла рассказать ему всё, что было у неё на душе.

«Мне ещё нравятся красивые заколки», — Глория любила расчёсывать свои золотые волосы и закалывать их красивыми заколками.

Хотя мама когда-то говорила, что не стоит закалывать слишком много, иначе будет чересчур громоздко, но они, заколотые на видном месте, сверкающие на солнце, каждый раз при

взгляде на них поднимали настроение.

«А ещё цветы и лес, бабочки и птицы...» — Глория задумывалась и, расслабляясь, перечисляла одно за другим, счастливая, как самая обычная беззаботная девочка. — «А ещё тряпичную куклу, которую мама когда-то сшила для меня своими руками. Раньше она каждый вечер читала мне истории...»

Её голос слегка потяжелел, опущенные ресницы увлажнились.

«Ты любишь читать книги с историями?» — прозвучавший голос заставил ресницы вновь приподняться.

«Да, — ответила Глория, и уголки её губ снова приподнялись. — В них много очень интересного».

«А что именно?» — спросил Сюй Юань.

«Там есть король с длинным носом, солдат, отправившийся в приключение, они встречаются пастухов, а ещё людей, в которых перевоплотились боги. Стоит по-доброму помочь — и получишь такую же добрую награду...» — девочка с увлечением рассказывала.

Сюй Юань не перебивал, лишь слушал мир, складывавшийся из этих разрозненных слов.

Хотя доброта не всегда вознаграждается добротой, но сохранять доброту в душе само по себе не ошибка — лишь нужно различать, спасаешь ты журавля или змею.

«Прекрасные истории», — с лёгкой улыбкой сказал Сюй Юань, когда она закончила.

«Правда? Я тоже так думаю! — душа Глории словно воспрянула. — Если вы хотите почитать, я могу принести книги».

«Хорошо, — улыбнулся Сюй Юань. — Ты все свои книги с историями уже прочитала?»

Воодушевление девочки на миг померкло: «Да. Раньше отец привозил много».

Но после смерти мамы они словно вдруг стали чужими, почти не разговаривали, и новых книг с историями больше не было.

«Тогда я тоже принесу немного, обменяемся и почитаем, как тебе?» — тихо спросил тот мягкий голос.

«Правда?!» — на лице Глории появилось изумлённое выражение.

«Правда. Только как у тебя с грамотой?» — Сюй Юань прикидывал, что ей около десяти лет.

«Многое знаю, — Глория слегка потерла щёку пальцем, немного смутившись. — Но многое ещё не знаю».

«Не страшно, чему не знаешь — я научу», — улыбнулся Сюй Юань.

«Правда?! — радостно воскликнула девочка. — Спасибо вам, господин эльф».

«Правда. Только у меня не так много времени. Обычно ты можешь попросить отца нанять для тебя домашнего учителя», — сказал Сюй Юань.

Радость Глории на миг угасла — не померкла, а словно затихла, и она слегка нахмурилась. Каждый раз при мысли об отце сердце её пронзала боль, и она уже не хотела просить его о чём-либо.

Вместо того чтобы всегда зависеть от него, она хотела поскорее вырасти, больше не доставлять ему хлопот и не терпеть его окриков.

«Он не обязательно согласится», — тихо сказала Глория.

Вместо того чтобы дать ей учиться, он, пожалуй, охотнее заставил бы её освоить какое-нибудь рукоделие и изящные дворянские манеры — только так можно будет хорошо прислуживать её будущему мужу.

Но для неё и это было очень далёким.

«Но то, что сказал господин эльф, я постараюсь попробовать», — глубоко вздохнув, произнесла Глория.

«Если тебе откажут, пожалуйста, не спеши, — глядя на её немного растерянное выражение, задумчиво сказал Сюй Юань. — Она может применять уловки против мачехи и её дочерей, потому что не питает к ним чувств. Но к отцу — будь то боль или обида — всё оттого, что чувства к нему слишком глубоки, и когда этот человек притесняет её, это ранит особенно сильно».

Это чувство невозможно легко избежать: даже разочаровавшись, кровную связь трудно вот так просто разорвать.

«М?» — Глория немного не поняла.

«Я могу помочь тебе решить некоторые проблемы, которые создаёт твой отец, но многое тебе ещё придётся замечать самой, — улыбнулся Сюй Юань. — Надеюсь, твои следующие дни будут наполненными и радостными».

«Вы уходите?!» — услышав это, Глория в смятении оперлась о землю, пытаясь встать.

«Нет. Просто у меня недавно есть дела, и я хочу, чтобы мой друг некоторое время поиграл с тобой. Хорошо?» — тихо спросил Сюй Юань.

После его слов сердце Глории, только что поднявшееся было высоко, немного опустилось: «То, что вы собираетесь делать, не повредит вам?»

Потому и не сможете некоторое время приходить.

«Нет, просто потребуется немного времени, — улыбнулся Сюй Юань. — Не волнуйся».

«Хорошо. Пожалуйста, обязательно берегите себя», — тихо сжав ткань у ворота, сказала Глория.

Она действительно не хотела, чтобы ещё кто-то близкий навсегда покинул её.

«Ты тоже», — со смехом ответил тот мягкий голос.

Их прощание было в полдень, солнце стало чуть жарким. Сюй Юань шёл по аллее, маленькая кошка лежала у него на плече, лениво помахивая хвостом: «Хозяин, так она, пожалуй, может к тебе привязаться».

«Это вполне нормальное чувство», — сказал Сюй Юань.

Дети из-за беспомощности легко привязываются к тем, кто проявляет доброту, им нужно, чтобы им давали эмоции. Пока это не перерождается в крайнюю, исключаящую всех собственническую привязанность, это нормальное чувство.

Только получив любовь, человек учится и обретает достаточно душевных сил, чтобы дарить любовь. То, что он в силах дать, не стоит слишком скупиться.

Кошка легонько повела хвостом, открыла глаза и посмотрела на всегда такого мягкого хозяина, прижала уши, когда её погладили по голове, и услышала тот мягкий вопрос: «Что смотришь?»

«Ничего...» — Тун-цзы положила подбородок на сложенные лапки.

Ей казалось, что хозяин стал словно бы мягче, чем раньше, но в то же время словно бы нет.

Раньше он брал под опеку много детей, и даже хозяин не мог один разорваться на бесчисленное множество частей. Теперь — только один.

«У маленькой кошки тоже есть свои заботы?» — глядя на неё искоса, с лёгкой улыбкой спросил Сюй Юань.

«Нет», — подняла голову кошка.

«О? Тогда я не буду готовить для тебя вкусности в награду», — задумчиво сказал Сюй Юань.

«М?!» — кошка вскочила и протянула лапку: «Есть, есть у меня заботы! Много забот! Огромные заботы!»

«Какие же?» — спросил Сюй Юань.

Кошка тут же запнулась, повела ушами: «Это, вообще-то...»

Не то чтобы она не хотела сказать, а не могла ясно выразить.

«Похоже, не так-то просто сказать», — усмехнувшись, отвёл взгляд Сюй Юань.

Кошка кивнула: «Словами не выразить!»

«Тогда поговорим, когда сможешь подобрать слова», — не стал больше спрашивать Сюй Юань.

Маленькая лапка всё же сжалась и разжалась, тонкий мягкий голосок с надеждой напомнил: «Вкусности...»

«Свиную отбивную, как тебе? Тоже давно не готовил», — с лёгкой усмешкой спросил Сюй Юань.

«Да!!!» — возликовала кошка, хвост задёргался, и она принялась бормотать.

Отбивная, отбивная, отбивная — свиная отбивная ведь готовится даже сложнее, чем говяжья, но она особенно вкусная!

Маленькая кошка нежилась в солнечных лучах, глаза её закрылись. Рассыпанные меж деревьев крупинки света, словно упавшие звёздные искры, падали в золотые глаза, и промелькнувшая в них мысль тотчас исчезла без следа.

Немного не такая, как прежде?

Сюй Юань же считал, что ничуть не изменился.

...

Когда Глория вошла в дом, она — неожиданно и в то же время ожидаемо — увидела в гостиной маму, сидевшую за столом с чашкой кофе.

Даже если отец не вернулся, она была в очень красивом платье, и то, как она держала чашку, и то, как она сидела, — всё было исполнено изящества. Хотя Глория её не любила, она не могла отрицать этих фактов.

Её пальцы слегка сжались, и вместе с этим сжалось и сердце. Она сделала реверанс: «Мама, добрый день».

«На улице жарко, иди отдохни, скоро будем обедать», — с мягкой, кроткой улыбкой сказала Грейс.

Даже если её улыбка не достигала глаз, Глория тихо вздохнула с облегчением. Хотя она, казалось, уже два-три раза одержала верх, она всё ещё боялась её.

Потому что её взгляд, устремлённый на неё, всегда напоминал Глории змею из книг с историями.

Господин эльф говорил: хотя её отец — главный виновник, это не значит, что Грейс и её две дочери невиновны. Они не принадлежат к числу добрых людей, и от них непременно нужно остерегаться.

«Спасибо, мама», — приподняв подол платья, Глория поднялась наверх.

Её фигура исчезла, звук лёгких шагов по лестнице всё доносился, и лишь когда наверху хлопнула дверь, сидевшая на месте Грейс опустила уголки губ, швырнула веер, который держала в руке, и грудь её тяжело вздымалась.

Она, конечно, не верила ни в какие «явления во сне». Если бы такое было, та умершая женщина не стала бы смотреть, как они так долго обижают её, и только потом явилась.

Но слуги провели проверку, некоторых выгнали — и ничего не обнаружили. На кладбище тоже не нашли никаких следов. Вместо того чтобы верить в мёртвую душу, она охотнее верила, что это они слишком сильно прижали, и потому Глория осмелилась пойти на такие меры, чтобы сопротивляться.

Потому что эти меры не были изощрёнными: если бы она действительно хотела их полностью уничтожить, она бы подсыпала яд. Но даже будучи неизощрёнными, они привели её в ярость.

Потому что ей приходилось на время замедлить шаг и действовать более тонко, чтобы лишить её воли к сопротивлению, чтобы Азад проникся к ней отвращением.

Время растягивается — и это совсем не приятно!

Дочь первой жены — чем ни посмотри, всё раздражает!

...

В этот день Азад отужинал очень хорошо. Прекрасная жена приветливо его встретила, из трёх дочерей, кроме старшей, выглядевшей немного тихой, две другие были очень смышлёнными и послушными. Даже если и было в них что-то недостаточное, этого хватало, чтобы после трудового дня он почувствовал себя умиротворённо.

После романтических и нежных ночных объятий сон стал особенно глубоким. Человек лежал на мягком ложе и всё проваливался, проваливался, но было так уютно, что не хотелось шевельнуть ни единой частичкой тела.

Лишь за окном было темно, немного похоже на рассвет, но виднелись куда более глубокие тени деревьев.

Раздался звук взмахивающих крыльев, тень птицы встала на дрожащей верхушке дерева, сложила крылья и открыла клюв.

«Если ты не будешь хорошо обращаться с Глорией, то потеряешь огромное состояние...»

Её голос был совсем рядом, словно у самого уха, но в то же время далеко, словно доносился с самого неба.

Он повторялся, и это заставляло Азада хотеть отогнать его, возразить, но когда он попытался двинуться, то обнаружил, что никак не может совладать со своим телом.

Он словно видел всё в комнате, но тело будто пригвоздили к кровати, оно не слушалось его приказов.

Голос у окна всё повторялся, как наваждение, вселяя ужас.

Это его контролируют или это сон?! Или колдовство? Божественное знамение?

Азад беспрестанно гадал, боролся, и когда эта борьба, казалось, не имела конца, птица вдруг взмахнула крыльями и улетела.

Азад внезапно распахнул глаза и сел на кровати, протянув руку: «Стой!»

Голос прозвучал гулко в пустой комнате, так что, взглянув на свою руку, Азад услышал рядом удивлённый вопрос: «Дорогой, что случилось?»

«Ничего», — Азад чувствовал, что весь в поту, дыхание его бурно колыхалось. Взглянув в окно, он обнаружил, что оно плотно закрыто, и уже рассвело.

«О, ты выглядишь неважно. Кошмар приснился?» — Грейс нежно прильнула к нему и спросила.

«Сказал же, ничего». — Азад собрался с мыслями, взглянул на новую жену с обеспокоенным лицом и поднялся: «Встаём».

«Хорошо». — Грейс больше не спрашивала, молча откинула одеяло, встала и с улыбкой сказала: «Пойду посмотрю, как там завтрак».

«Хорошо», — отозвался Азад, одеваясь, а в голове всё ещё текли мысли.

У него никогда не было такого ясного сна, настолько, что он помнил даже расположение ветвей. И, конечно, помнил фразу, повторявшуюся во сне много раз.

Хорошо обращаться с Глорией?

Разве он где-то обращался с ней плохо? Он даёт ей еду, одежду, всё необходимое, чтобы ей не приходилось ютиться в трущобах и бояться, что не наестся досыта. Он даже даёт ей деньги на красивые платья и украшения. Беспокоясь, что о ней некому позаботиться без матери, он взял новую жену, чтобы та заботилась и наставляла её. Во всём свете не сыскать более примерного отца, чем он.

Но даже делая всё это, разве кто-то всё равно остаётся недоволен?

Азад строил такие догадки. Перед уходом он взглянул на только что спустившуюся Глорию, слегка нахмурился и вышел.

Потерять огромное состояние? Он не поддастся такой угрозе.

Он принял плащ, поданный Грейс, сел в карету и уехал. А после его ухода и Адела, и Ванесса бросили на остолбенело стоявшую Глорию злорадные взгляды.

«Интересно, чем эта принцесса опять прогневила папу», — съязвила Адела.

«Может, она просто уродилась такой, что не нравится людям, — тупая, как полено», — проходя мимо, Ванесса дёрнула её за волосы.

Глория вскрикнула от боли, но, глядя на самодовольно удалявшуюся Ванессу, ничего не могла поделать.

Она больше не могла с ними ссориться, потому что мачеха оставит на их телах следы, а потом нажалуется отцу. Он уже был близок к пределу отвращения к ней и не станет её защищать.

На душе у Глории было холодно. Она лишь потерла голову, направилась к обеденному столу и, слушая насмешки рядом, тихо ела свой завтрак.

«Мы больше не попадёмся на твою удочку».

«Коварная тварь, надо же было придумать такой злобный трюк. Мне следовало рассказать папе о твоих кознях».

«Адела», — остановила её Грейс.

«Поняла, мама, я не скажу. Я ведь не плохой ребёнок, который ябедничает папе», — фыркнула Адела.

«Она молчит, как покойница», — протянула Ванесса с наивным видом.

«Точно. Даже крысы на чердаке живее её», — съязвила Адела.

А эти слова Грейс не останавливала.

Глория мысленно повторяла себе: не думай постоянно о них. Но, слыша эти слова, душа её всё равно страдала.

«О, она опять идёт к своей мёртвой матери».

«Разве воссоединиться навеки не лучше, чем каждый день бегать к ней?»

«Лучше бы сразу закопали в землю».

Эти злые голоса по мере того, как Глория бежала, становились немного тише, но не исчезали — они, словно тень, всегда вились у самых ушей.

На самом деле те слова не были самыми колкими. Она уже не плакала легко из-за их речей. Печалило Глорию то, каким взглядом отец смотрел на неё утром, уходя, — холодным, словно на паразита.

Глория думала, что уже не будет разочаровываться, что онемевшее сердце больше не заболит. Но когда она увидела могилу и опустилась перед ней на колени, слёзы всё же неудержимо покатались из глаз, а сердце сжалось от горечи.

Она говорила себе не печалиться, но никак не могла осушить слёзы.

«Кто тебя обидел?» — прозвучал в этом лесу небрежный голос, прохладный, словно разбившаяся капля воды. Слёзы Глории мгновенно остановились, и она, растерявшись, оглянулась по сторонам.

«Кто здесь?!»

Голос донёс лёгкое движение дыхания: «Друг господина эльфа».

Напряжение Глории немного отпустило, но она всё же с запинкой произнесла: «Здравствуйте».

«Здравствуй», — в этом приятном голосе не было мягких чувств, напротив, он был очень чётким и решительным.

По характеру он был совершенно не похож на господина эльфа.

От этого Глории стало немного неуютно, она даже слегка вспотела от напряжения.

«Кто тебя обидел?» — спросил он.

Хотя в этом не было ощущения допроса, Глория всё же не могла успокоиться: «Это мои две сестры...»

«Как они тебя обидели? Ударили?»

«Нет, — сказала Глория. — Они говорят, что я принцесса...»

«Разве это не похвала? Когда я впервые тебя увидел, ты и правда выглядела как маленькая принцесса», — тон его слегка приподнялся.

Глория удивлённо подняла глаза. Те же самые слова, произнесённые этим господином эльфом, ничуть не ранили — звучали действительно как похвала: «Вы видели меня раньше?»

«Видел. Что ещё они говорили?» — спросил тот приподнятый голос.

«Они говорили, что я как полено... — душа Глории упала. — Даже крысы на чердаке живее меня».

«Ты не стала огрызаться?» — в голосе послышалось лёгкое недоумение.

«Э-э...» — Глория опешила.

«Ц-ц... Если только терпеть и не давать отпора, эти твари совсем распояшутся, — в его голосе прозвучало неодобрение. — Ругаться умеешь?»

Глория замялась: «А как это делается?»

«Похоже, ты и правда не умеешь. Первое правило ругани — держать спокойствие, — сказал тот приподнятый голос. — Суть ругани — бить в больное место. Чем больше они хотят тебя разозлить, тем меньше ты должна злиться».

«Но трудно не злиться», — сжав пальцы, сказала Глория.

«Тогда, может, запереть их на ночь на чердаке с крысами, чтобы ты выпустила пар? Или повесить на дереве на всю ночь?» — он словно всерьёз обдумывал это.

Глория же изумлённо распахнула глаза, в полной мере ощутив, насколько этот эльф отличается по характеру от господина эльфа.

<http://bllate.org/book/18299/2272747>